

Влияние экстралингвистических факторов в процессе перекодирования мысли и передачи смыслов с одного языка на другой: некоторые теоретические и прикладные аспекты

The phenomenon of the thought recording and conveying meanings has received increasing attention in recent years, but the consequences of extralinguistic factors impacting it have received much less research attention. Building on the theoretical approach to view interdependence between language and multi-dimensional societal implications as well as empirically obtained examples of the translational techniques aiming at attaining adequacy and equivalence in the process of translation, we draw attention to the attitudes of scholars towards basic features that are revealed with the help of culturally and cognitively induced factors. We argue that a translator analyses meanings from the interdisciplinary perspective: contrastive analysis of similarities and differences among people with different ethnic mentalities and consciousness leads to the reflection of their concept picture conveyed via means of the target language.

Key words: translation, meaning recoding, attaining equivalence, interdisciplinary approach.

Аксиоматично положение о непреходящей роли, которую играет перевод в цивилизационном процессе, в развитии мировой культуры, искусства, экономики, литературы и целого ряда языковедческих наук. В самом широком понимании перевод есть не что иное как декодирование текста или звучащей речи для осуществления коммуникации. С момента зарождения общественных отношений между людьми, оформления торгово-экономических путей как каналов связи между различными народами переводу была уготована почетная миссия служить средством межкультурного и межъязыкового общения как своеобразного «диалога культур», т.е. взаимодействия культур, мировоззрений, стран и отдельных личностей разных возрастов и социальных статусов, а также их взаимодополнения.

Изменение мироустройства в турбулентном 20 веке, процессы в политической жизни на мировом уровне, а также развитие культурных мировых практик и расцвет национальных литератур во всех без исключения странах вывели перевод на качественно новый уровень развития и способствовали возникновению к середине прошлого столетия современной теории перевода как научного направления.

Становление переводоведения сопровождалось отбором и оформлением понятийно-терминологического аппарата теории перевода наряду с выявлением круга переводческих исследовательских зон и проблемных вопросов, требующих тщательного изучения.

Приведем одно из классических определений перевода, которое дал в свое время корифей отечественной науки о языке, А.Д. Швейцер. «...перевод может быть определен как однонаправленный и двухфазный процесс межъязыковой и межкультурной коммуникации, при котором на основе подвергнутого целенаправленному («переводческому») анализу первичного текста создается вторичный текст (метатекст), заменяющий первичный в другой языковой и культурной среде... Процесс, характеризуемый установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста, частично модифицируемый различиями между двумя языками, двумя культурами и двумя коммуникативными ситуациями» [1, с. 75].

Взяв за основу данное определение, отметим, что конечной целью переводческой деятельности является воссоздание подлинника на другом языке. В логике данного утверждения находится еще один основополагающий тезис: пререквизитом качественного переводческого результата выступает не только высокий уровень владения переводчиком родным и иностранным языком, но и понимание и осознание родной и иноязычной культур, умение осмысленно их интерпретировать, поскольку перевод выступает связующим звеном между автором исходного текста и автором текста переведенного.

Теоретическая литература по вопросам перевода изобилует эмоционально заряженным мнением практикующих переводчиков о том, что им приходится переводить культурные смыслы. Иными словами, переводчик сталкивается с необходимостью сохранить при переводе самобытные культуры и показать самоопределение носителей наряду с открытостью и сложнейшими взаимопереходами соответствующих лингвокультур, поскольку в основе модифицированного лингвокультурного кода лежит целостная структура, представленная единством фоновых знаний, нормами и ценностями, которые выражены культурноязыковыми средствами.

Таким образом, для переводчика актуальным является проводить анализ ценностных смыслов, рассматриваемых им, в первую очередь, с позиции междисциплинарных подходов. Перевод как интерлингвальная и межкультурная деятельность не может быть понят без привлечения данных и методов широкого спектра дисциплинарных областей знания, как-то лингвистики, психологии, социологии, литературоведения, семиотики, культурной антропологии, теории коммуникации,

информатики и эстетики [2, p. 18]. В данном контексте представляется справедливым отметить, что без сопоставительного анализа ментальных сходств и различий, отмечаемых у разных носителей этносознания, практически невозможно отразить концептосферу языка, передаваемого языковыми средствами переводящего языка.

Ассиметричное членение действительности разными языками, выраженное в различном описании однопорядковых явлений и предметов, свидетельствует о внимании переводчика к различным признакам этих предметов и явлений. Иными словами, видение мира носителей разных языков отражено в семантике слов соответствующих языков. Подобная неэквивалентность представлений о мире, об общих явлениях природы и культурном опыте народов формирует разные ассоциации и, следовательно, разное отношение со стороны читающего или слушающего коммуниканта. Таким образом, напрашивается вывод: эмоционально-культурный контекст лежит в основе мотивированности эмоциональной, оценочной и стилистической коннотаций.

В качестве иллюстративных примеров, подтверждающих наши положения, могут служить интерпретации концепта *the Bush*, занимающего одно из центральных мест в концептосфере австралийского варианта полицентричного английского языка. Так, для современного австралийского общества характерно сложившееся с годами следующее стереотипное восприятие буша (внутренней части континента – Outback): там трудно жить и работать, стричь овец и заниматься деятельностью, которая описана в поэзии, произведениях искусства и поп культуре. Буш показан как трудное для жизни место, довольно опасное, где могут случиться неприятные и непредвиденные ситуации, вызванные отнюдь не человеком, а, скорее, природными катаклизмами: засухой, пожарами, суровыми климатическими условиями или укусами змей. Все эти обстоятельства заставляют жителей отдаленных районов копить ресурсы и учиться справляться с подобными проблемами. Многие из коннотаций, имеющих отношение к бушу, обусловлены такими свойствами его обитателя, истинного батлера, как упорство, физическая сила, моральная стойкость, товарищество и братская солидарность в кризисных условиях [3, с. 37].

Размышляя об «образе языка» в науке, обобщая эволюцию взглядов на язык, Ю.С. Степанов конкретизировал тезис выдающегося философа 20 в. М. Хайдеггера и определил язык как «дом бытия духа». Другой разновидностью того же определения является характеристика языка как «пространства мысли». Она соотносится с достижениями современной когнитологии – науки о мыслительных операциях, связанных с обработкой знаний. Так, «образ языка» постепенно

приобретает черты «образа пространства», во всех смыслах – пространства реального, видимого, духовного, ментального; это одна из самых характерных примет лингвофилософских размышлений над языком в наши дни» [4, с. 33]. Развивая данный тезис, можно заключить, что вдумчивая работа переводчика австралийских литературных произведений будет способствовать точной передаче нюансов языка и культуры австралийских бушменов.

Именно труд простых людей по крупнице создавал австралийскую национальную идентичность; «австралийский дух» тесно связан с бушем... [5, р. 1]. Фраза “*battling bush people*” означает борющихся за существование и работающих в буше людей. Следует заметить, что слово *battler* имеет позитивную коннотацию в австралийском варианте английского языка. Им обычно называют человека, который много и тяжело работает, живет в сложных условиях. Изначально этим словом называли свэгмена, который жил и работал в буше. Несмотря на то, что лексема *battler* может быть применима для обозначения представителя рабочего класса австралийских городов, она все же имеет больше ассоциаций с жителями буша. Более того, типичное референтное значение данной единицы связано с англо-кельтскими потомками. Разумеется, переселенцы и иммигранты неанглийского происхождения также тяжело и много работали, приспосабливаясь к новым природно-географическим и экономическим условиям, но их никогда не называли баттлерами.

В качестве одной из австралийских ценностей выступает *bush character* – характер жителя буша, тяготеющий к равноправию и находящийся всегда в оппозиции к классовому неравенству. Примером может служить фрагмент из критического обзора к фильму “Dad and Dave” о жизни борющейся за существование семьи и ее зажиточных соседях: “...*affectionate retelling of the Aussie bush legends created by Steel Rudd. It’s the bush battler against the Establishment figure...*” (...Стил Радд создал задушевный рассказ об австралийских легендах о буше. Это рассказ о человеке, который много и тяжело работает в противоположность властвующей элите...).

В своей книге “The Australian Legend” R.B. Ward представлял бушмена типичным австралийцем: “...*a practical man, rough and ready in his manners, and quick to decry affectation...He is a great improviser ...willing to “have a go” at anything, but ...content with a task done in a way which is “near enough”. Though capable of great exertion in an emergency, he normally feels no impulse to work hard...He swears hard and consistently, gambles heavily and often, and drinks deeply on occasion...*”[5, р. 1-2]. (...человек-трудяга, грубый, с готовностью

осуждающий притворство... Большой импровизатор ... всегда готов действовать ... но довольный тем, что он практически уже закончил свою работу. Несмотря на то, что он готов приложить определенные усилия в случае крайней необходимости, все же, не отличается постоянным трудолюбием... Он страшно сквернословит, постоянно занят азартными играми, много пьет, когда выдается случай...).

Слово *bush* часто выступает как определитель в значении «сельский, грубый, топорный или простецкий». Оно входит в состав многосложных слов, например, *bushlawyer* (сельский юрист) *bushcarpenter* (плотник, работающий в буше). Последнее выражение может означать также плотника, который выполняет элементарную плотницкую работу, не имея квалификации.

“...*the knockabout bushcarpenter who loved a punt on the horses and brewing his own beer...*” (плотник, перебивающий случайными заработками, любящий ставить ставки на скачках и варить домашнее пиво...).

Выражения *bush balladeer* (исполнитель песен буша), *bush ballad* (баллада), *bush poetry* (поэзия буша) также помогают переводчику раскрыть, а инокультурному читателю адекватно понять значение буша для австралийца.

“*It wouldn't be Australia Day without some bush poetry so, of course, there is plenty of that*” (Не может быть празднования дня Австралии без стихов буша. Разумеется, в этот день звучит поэзия).

Поэзия буша – это своеобразная арт-форма, основанная на устном исполнении. Стихи рассказывают о жизни австралийцев в буше, на земле. В стихах с присущей долей романтизации тяжелого физического труда прославлялись жители буша. Произведения полны юмора, в них много просторечных слов и выражений. Они рассказывают о лесных бродягах, погонщиках и продавцах скота, мужской дружбе и солидарности и о трудностях, которые необходимо было преодолеть, живя на малознакомой, засушливой земле. В какой-то мере поэзия метафоризирует своеобразный материальный натюрморт национального сознания. Наиболее известной и любимой балладой является “*Waltzing Matilda*” (Танцующая Матильда) А.Б. «Банджо» Патерсона. Произведение было написано в 1895 г. и с тех пор считается неофициальным гимном Австралии. Это трагическая история свэгмена, человека, скитавшегося по стране, перебивавшегося случайными заработками, все пожитки которого уместались в скатанном одеяле, который, не желая сдать полицию, предпочел утопиться.

С легкой руки писателей-реалистов национальной эпохи в картине мира самих австралийцев и в стереотипном восприятии австралийской нации представителями других культур закрепились концептуальная

пара “*Mate-Mateship*”, также требующая особого профессионального внимания переводчиков. Всякий раз, когда хотят подчеркнуть такие качества австралийцев, как «надежность», «сила духа», «выносливость», «смелость» и «взаимовыручка», невольно обращаются к данным концептам. Идет ли речь о спасателях-серферах или о военнослужащих в горячих точках, австралийцы неизменно протягивают руку помощи в кризисных ситуациях. Как уже отмечалось выше, в их естественном желании помочь нет ничего героического. Оно уходит корнями в прошлое, в эгалитаристские идеалы британского рабочего класса и лишения, через которые прошли первые австралийские поселенцы из числа ирландских заключенных и их потомков. “*Mateship*” для австралийца – это неизменно равенство, лояльность, мужская дружба и взаимовыручка. Экс-премьер министр Австралии Джулия Гиллард в речи по случаю Дня Австралии в 2011 г. отметила: «Этот концепт определяет дух Австралии. Это основное понятие, определяющее австралийскую идентичность. Референдуму 1999 г. предшествовали дебаты о включении идентификационного признака “*Mateship*” в преамбулу австралийской конституции» [6, с. 62].

Историк Глен Дэвис писал: «Будучи австралийцами, мы признаем, что индивидуальные достижения вряд ли возможны без помощи других людей. Для нас особый смысл имеет понимание независимости в социальном контексте. Несмотря на различия, мы все знаем, что если наступит момент, будь то пожар, наводнение или международный конфликт, австралийцы всегда придут на помощь друг другу, как это бывало во времена первопроходцев. Это естественная черта национального характера. Из взаимопомощи и взаимовыручки состоит первооснова австралийского духа» [7].

Именно в этих максимах находит преломление сосюринское различие между языком, речью и речевой деятельностью [8]. Речевая деятельность, будучи одновременно физической, физиологической и психической ... помимо того, относится и к сфере индивидуального и социального» [9, с. 48].

Таким образом, продолжается заочный научный спор между представителями разных лингвистических направлений и школ. Современные научные интерпретации теории Ф. де Соссюра применительно к теории перевода заключаются в том, что перевод может существовать по определению как минимум в двух гетерогенных языковых реальностях. Как утверждают В. Buden and S. Nowothy со ссылкой на структуралиста Р. Якобсона, языки «существенным образом отличаются друг от друга в части того, что

они *должны* передавать, а не то, что они *могут* передать», поскольку языки функционируют исключительно в строгом соответствии с теми нормами, которые приняты в родной среде, т.е., как носители данных языков используют их в своей речи, и что является «*обязательным* в языковом коде носителей» [10, р. 201]. Иными словами, переводческая концепция Р. Якобсона основывается на когнитивной функции языка. Именно на этой основе осуществляется функционирование речи в качестве актов общения (металингвистические механизмы процессов говорения и понимания протекают в человеческой среде и вызваны потребностями обмениваться мыслями, чувствами, передавать сообщения от одного человека к другому, т.е. базируются на социальной основе). Вопрос о переводимости с одного языка на другой лежит в плоскости перекодирования мысли. Поскольку речь всегда «целенаправлена и ситуативно привязана» [11], она обусловлена экстралингвистической ситуацией и внешними по отношению к языку факторами. Множественные связи между единицами языка допускают их практически бесконечное комбинирование, что делает возможным как передачу одной и той же мысли в речи разными способами, так и гибкое приспособление языка к меняющейся действительности под влиянием экстралингвистических факторов.

Обращает на себя внимание мнение японского исследователя Naoki Sakai, считающего, что переводческая пара языков – ничто иное как автономные и закрытые сущности, представленные в процессе перевода [12, р. 2]. В своих рассуждениях Sakai задает один основной вопрос: «Что представляет собой перевод с социальной точки зрения?» [ibid., р. 3]. Основная задача переводчика состоит в «передаче» смысла, выраженного средствами исходного языка, и передаваемыми языковыми средствами другого языка.

Поскольку при переводческом процессе всегда существует опасность не достигнуть конечной цели коммуникации, Sakai предлагает начать с предпереводческого анализа множественных гетерогенных факторов, характерных для двух языков. Такой подход обусловлен вниманием к ряду экстралингвистических (политических и социально-обусловленных) импликаций, существующих между двумя языками и носителями этих языков как на индивидуальном, так и на групповом уровнях.

Процесс перевода с языка на язык может неминуемо усложняться в силу существования различных идиолектов и социолектов в рамках пары языков, своеобразных гибридных вариантов и «испорченных» языков. Другими словами, в фокус профессионального интереса

переводчика попадают не только языковые стандарты и литературные языки, присущие национальной элите, но и все без исключения разновидности языков.

Западная историография по проблемам перевода изобилует обращениями к теоретическому наследию М.М. Бахтина, считавшего, с одной стороны, что «Всякая система знаков (то есть всякий язык), на какой узкий коллектив ни опиралась бы ее условность, принципиально всегда может быть расшифрована, то есть переведена на другие знаковые системы (другие языки); следовательно, есть общая логика знаковых систем, потенциальный единый язык языков (который, конечно, никогда не может быть конкретным единичным языком, одним из языков)...», а с другой стороны, полагавшего, что «... но текст (в отличие от языка как системы средств) никогда не может быть переведен до конца, ибо нет потенциального единого текста текстов. Событие жизни текстов, то есть его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» [13].

Иными словами, философия языка М.М. Бахтина развивает его основную концептуальную идею «неразделенности и неслиянности», позднее трансформировавшуюся в категорию «двуголосого слова», под которым понималась синтаксическая конструкция, формально принадлежащая одному говорящему, но реально содержащая два находящихся в диалогических отношениях «голоса» [14].

В заключение хочется еще раз подтвердить глубокое научное провидение мыслителя М.М. Бахтина, что «слово должно изучаться в лингвистике с опорой на общую эстетическую теорию, гносеологию и другие философские дисциплины», и что «всякий истинно творческий текст всегда есть в какой-то мере свободное и непредопределенное эмпирической необходимостью откровение личности» [15]. Продолжим, пусть и личности переводчика.

Литература

1. Швейцер А.Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М., 1988.
2. Yang, Z. 2015. "Subjectivity in translation as interlingual re-instantiation". *Journal of World Languages*, Vol. 2, № 1, P. 18-31. <http://dx.doi.org/10.1080/21698252.2015.1010249>.
3. Гришаева Е.Б. Культурно-специфические характеристики концепта "The Bush" в языке, сознании и коммуникативном поведении австралийцев. *Сборник статей VI Международной научной конференции «Концепт и культура: Диалоговое пространство культуры: Языковая личность. Текст. Дискурс»*. Кемерово–Ялта, 25-27 сентября 2016 г. Кемерово–Ялта, 2016. С. 32-37.
4. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997.
5. Ward, R.V. 1974 [1958]. *The Australian Legend*. Melbourne: Oxford University Press.
6. Гришаева Е.Б. Гражданское

направление в литературе национальной эпохи как источник формирования нравственных ценностей австралийцев. «Сибирский филологический форум» / *Siberian Philological Forum*. Изд-во КГПУ им. В.П. Астафьева. 2018. № 1 (1). С. 55-64. 87 с. 7. The American Individual and the Australian Mate, In Cosette on June 25, 2012. 8. Saussure Ferdinand de. 1916/1995. Cours de linguistique générale. Paris: Payot. 9. Сосюр Ф. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с. 10. Buden B. & S. Nowothy (2009). Translation Studies Forum: Cultural translation. In: *Translation Studies*, Vol. 2, № 2. Routledge: Taylor & Francis Group. P. 196-219. 11. Звягинцев В.А. Язык и лингвистическая теория. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 248 с. 12. Sakai, Naoki. 1997. Translation and Subjectivity. On “Japan” and cultural nationalism. Minneapolis: University of Minnesota Press. 13. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/baht_form/index.php. (дата обращения: 25.01. 2019). 14. <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH2f2b9cce78adb929ef7e2f> (дата обращения: 26.01. 2019). 15. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>(дата обращения: 25.01. 2019).

Rusudan Zekalashvili
Tbilisi, Georgia

Georgian Speech Etiquette and Translation Problems

The article considers some specific features of the Georgian speech etiquette: official and familiar addressing, politeness (courtesy) forms of verbs, verbs alternating in person, some units of phatic speech. Special attention is paid to the problems occurring in the process of translation of the units of speech etiquette in fiction. As reference material a small abstract from the Georgian ancient poem “*Vepkhistqaosani*” (“The Knight in the Panther’s Skin”) is discussed using the examples from its Russian, English and German translations; necessity of knowing and considering the specific character of the politeness system for translation is underlined.

Key words: Georgian language, speech etiquette, phatic communication, addressing, translation problems.

Introduction

Communication is the main function of a language as it serves for information exchanging but it is accompanied with a number of other functions such as phatic one, i.e. making contact (expressing attention and respect to the addressee, signing that they are noted and appreciated) and conative or expressing orientation on the addressee [1, p. 350-377]. These functions are most important for daily communications among people.